

но ты невесомой пружиной, как балерина Майя,
отталкиваясь от бордюра, кусая горбушку хлеба,
взлетаешь до самого неба в дырявых пуантосандалях.

Я ухожу с каждым. Блекну и истончаюсь.
Дорога домой оказалась нестрашной и вовсе не длинной.
Небо с годами все выше, и я не лечу, а маюсь
горбушкой насущенного хлеба.

Прими меня, ангел, с повинной.

* * *

Не было, но все же происходит.
Духовая медь печальных войск
делит нас на «годен» и «не годен»,
продувает музыкой насквозь,
а потом ведет пустых, январских
во поле березами стоять:
снежный лист прощения славянки,
черные бекары воронья
да Чумацкий шлях, высок и узок —
соль, краюха-месяц, молоко.
На семи ветрах затишье музык
и молчанье спиленных бойков.
Оловом — кресты, бетоном — плиты,
звездочек на всех недостает.
Битые уносят в рай небитых,
не сдавая занятых высот.

* * *

Говорила: «Смотри: полынок, дикопь-геранька,
это липки, но лучше всех — душистая кашка».
Я кивала и думала — кашка, подумаешь, разве что запах.
То ли дело — таинственный сумрачный колокольчик.
И вполуха слушала сказки о прошлой жизни —
было голодно, дети ели рогоза корни,
конский щавель, цветок баранчик, корбочки клена.

Я просила: «Давай отдохнем?» Искали полянку,
доставали булку и сыр, запивали остывшим чаем
из стеклянной бутылки. Вращались на дне чайники,
а над нами в небе кружили чайниками птицы.
Набегало облако, закрывала солнце кукушка,
ты ее прогоняла страшным вопросом «сколько осталось?».
Шевелился в траве уставший от зноя ветер,
вышивал из листьев лето — лицо-изнанка, —
и оно жужжало, звенело, летело и не кончалось.

...я его приношу, как раньше, домой, букетом,
наливаю воды в щербатый муравленый глечик,
все пытаюсь вспомнить, о чем мы тогда говорили,
но оно осыпается, только соцветия кашки
попадают до декабря по углам забытым
вроде хвои, пойманной пяткой в июле, от праздничной елки,
и впиваются зимне и остро в самое сердце.

Снится, как звонит по лету сумрачный колокольчик.
Я теперь за тебя прогоняю кукушку от солнца, мама.